
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.1; 316.77; 316.28

НОВЕЙШИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

А. В. Белозерцев

Шадринский государственный педагогический институт

Поступила в редакцию 15 августа 2013 г.

Аннотация: статья посвящена анализу изменений в структуре языковой и коммуникативной личности под интенсивным влиянием внешнего фактора коммуникативной среды нового типа. В качестве примера такой среды комплексно рассматриваются компьютерно-опосредованная коммуникация и компьютерно-опосредованный дискурс. Широкое распространение подобных изменений среди носителей языка позиционируется как фактор изменения самой языковой системы. Утверждается актуальность дальнейших эмпирических исследований в этой области.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативная личность, компьютерно-опосредованная коммуникация, компьютерно-опосредованный дискурс.

Abstract: the article contains the analysis of modifications in the structure of linguistic personality and communicative personality intensively influenced by the external factor of a communication environment of a new type. Computer-mediated communication and computer-mediated discourse are considered in a complex as a pattern of such an environment. The widespread modifications of the kind are seen as a factor of modifications in the language system. As a result, it is claimed that further empirical research in this area is actual.

Key words: linguistic personality, communicative personality, computer-mediated communication, computer-mediated discourse.

Язык представляет собой систему, в некоторой степени стихийно сложившуюся и, вместе с тем, строго определенную и устойчивую на протяжении длительного периода. Изменения в языке происходят постоянно; некоторые из них становятся частью системы, другие – довольно быстро исчезают, возвращая целое к исходному состоянию. Чтобы своевременно и взвешенно изучать происходящие перемены, следует пристально следить за речевым поведением носителей языка, анализировать количественные и качественные сдвиги в знаковой системе, используемой ими в речевой коммуникации.

В процессе жизнедеятельности человек подвержен влиянию самых разнообразных факторов: ближайшего социального окружения, условий жизни и труда, экологии, климата, географических параметров местности, научных и технологических достижений цивилизации вообще. Все это неизбежно оказывается на его речевом поведении: объекты и явления, окружающие человека, находят отражение в его сознании и получают соответствующее наименование для осмыслиения, объяснения и последующего рационального взаимодействия с другими людьми. В результате мы обнаруживаем определенную мобильность словарного запаса носителя языка, используемых им понятийных элементов и, в конце концов,

мотивов и потребностей, основанных на сложившихся представлениях о мире. В лингвистической науке данный комплекс знаковых компонентов и функциональных показателей описывается в концепциях о языковой личности и о коммуникативной личности. Следовательно, в рамках проводимых нами рассуждений представляется целесообразным искать причины статичности или изменений речевого поведения носителя языка в составе таких психосоциальных конструктов, как языковая и коммуникативная личность.

Вслед за Ю. Н. Карапуловым, под термином «языковая личность» мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [1]. В соответствии с выделенными особенностями текста, создаваемого человеком, способности и характеристики личности, обусловливающие эти особенности, также подразделяются на три категории, и общее представление о языковой личности складывается в трехступенчатую модель, состоящую из вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного уровней [2].

Как язык сохраняет относительную статичность, так и языковая личность обладает общей целостной стабильностью; однако возможные изменения в окружении человека могут вести к последовательным изменениям в его языковой личности. Полагаем, что эти изменения зарождаются на лингвокогнитивном уровне в форме вновь образованных концептов, отражающих новые условия действительности, а впоследствии часть данных концептов подвергается вербализации средствами языка и закрепляется на вербально-семантическом уровне. Мотивационный уровень может претерпевать отсроченную перемену в его составляющих, поскольку мышление человека, направленное на достижение возникающих потребностей, начинает оперировать новыми когнитивными и языковыми единицами. Таким образом, общая целостная стабильность языковой личности сохраняется, но в ней происходит процесс обогащения новыми элементами, который в случае своей высокой интенсивности способен значительно перестраивать актуальные сегменты в поведении языковой личности.

При описании коммуникативной составляющей в речевом поведении человека мы опираемся на понятие «коммуникативная личность». Данный термин обозначает «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [3]. Несмотря на внешнее сходство между понятиями «языковая личность» и «коммуникативная личность», в социологии коммуникации подчеркивается их принципиальная неодинаковость: коммуникативная личность связана не только с верbalными, но и с невербальными знаками и имеет свою специфику актуализации в разнотипных коммуникативных ситуациях. Собственно говоря, подразумевается, что коммуникативная личность, являясь видовым понятием, включает в себя языковую личность, но подобные отношения отнюдь не отменяют рациональности наших рассуждений, тем более что в структуре коммуникативной личности в равной мере выделяются три категориальных параметра: мотивационный, когнитивный и функциональный [3].

По своим сущностным характеристикам параметры коммуникативной личности также могут быть соотнесены с тремя уровнями языковой личности, в результате получаются три емкие пары: мотивационный уровень – мотивационный параметр; лингвокогнитивный уровень – когнитивный параметр; вербаль-

но-семантический уровень – функциональный параметр. Важно отметить, что компоненты в выделенных парах равно обнаруживают родовидовые отношения и что общая линия размышлений об изменениях в личности носителя языка сохраняется и для анализа коммуникативной личности. Следовательно, можно также утверждать, что общая целостная стабильность коммуникативной личности сохраняется, но обогащение новыми элементами может значительно перестраивать актуальные сегменты в ее поведении.

Мы проводим подобное сопоставление языковой и коммуникативной личности для того, чтобы отдельно подчеркнуть одну из возможных причин изменения словарного состава в языковой системе: то, что не становится вербальным поведением, так или иначе получает вербальное наименование. Наглядный пример подобного процесса мы рассмотрим несколько позднее, а сейчас возвратимся к вопросу о значительных переменах в жизни социума, способных модифицировать язык через влияние на речевое поведение носителей этого языка.

Мощным фактором глобальных изменений в нескольких сферах жизнедеятельности общества явилось интенсивное развитие новых информационных технологий, понимаемых как «совокупность ... принципиально новых средств и методов обработки данных, представляющих собой целостные технологические системы и обеспечивающих целенаправленное создание, передачу, хранение и отображение информационного продукта с наименьшими затратами и в соответствии с закономерностями той среды, где развивается данная информационная технология» [4]. Этот фактор послужил стимулом для создания современных сетевых интернет-сообществ, реструктуризации и информатизации социума в целом и межличностных отношений в частности, изменений в актуальном речевом поведении носителей языка. В результате наблюдается соответствующее увеличение научного интереса ко всем перечисленным явлениям.

Следуя предположению, что массовое изменение в речевом поведении языковой личности ведет к изменениям в языковой системе, и утверждению, что коммуникативная личность является видовым понятием для языковой личности, обратимся к теории коммуникации и дискурсивному анализу, где под влиянием новых информационных технологий на объект исследования были выделены понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация» и «компьютерно-опосредованный дискурс». Эти понятия связаны с активно исследуемыми в настоящее время одновременно в нескольких отраслях научного знания явлениями. Многие ученые не проводят строгих различий между ними, отмечая лишь результативность дискурса по отношению к процессуальности

коммуникации, что можно увидеть при сопоставлении определений, даваемых этим понятиям:

• «computer-mediated communication (CMC) is defined as any communicative transaction that occurs through the use of two or more electronic devices» [5];

• «computer-mediated discourse is the communication produced when human beings interact with one another by transmitting messages via networked computers» [6].

В данной статье не ставится задача разграничить и более точно соотнести понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация» и «компьютерно-опосредованный дискурс», поэтому все специфические особенности, отмечаемые у этих явлений, будут квалифицироваться как тождественные между ними характеристики. Кроме того, вслед за И. Н. Розиной мы придерживаемся точки зрения о большей целесообразности в использовании левостороннего терминологического компонента «компьютерно-опосредованный» (чем «компьютерный» или «опосредованный компьютером» и т.п.) при спецификации типа описываемой коммуникации и дискурса, поскольку это «наиболее точно характеризует основной объект исследования ... сохраняя формальную близость к исходному англоязычному термину и соединяя в себе наиболее важные для понимания термина слова (компьютер, среда, коммуникация)» [7].

Одна из наиболее полных классификаций особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации встречается в работах Е. Н. Галичкиной:

I. Конститутивные признаки:

1) бимодальность – возможность двух режимов общения (актуального и сетевого);

2) металинеарность – наличие гипертекста как системы разнородных связей данного текста с другими текстами, типами дискурса и способами редактирования текста;

3) креолизуемость – возможность включения мультимедийных иконических знаков в последовательность сигнальных знаков.

II. Аддитивные признаки:

1) американизация – внедрение норм коммуникативного поведения американской культуры как основного источника культуры глобализационной;

2) ювенилизация – ориентация на нормы игрового молодежного поведения как доминирующего образца современной массовой культуры;

3) виртуализация – обратное влияние сетевого общения на общение актуальное в его различных жанрах (восприятие размытого времени, сближение пространства, множественная самоидентификация);

4) презентационность – акцентирование своего имиджа для продвижения своего контента как товара или продукта, уподобляемого товару;

5) фетишизация – оценочная трансформация картины мира под влиянием представлений об упо-

dobлении мира компьютеру, обусловленная перенесением характеристик инструмента на субъекты, использующие инструмент [8].

В статье Сьюзан Херинг о компьютерно-опосредованном дискурсе можно также встретить описание некоторых из приведенных выше особенностей компьютерно-опосредованной среды, в связи с чем перечислим только еще не упомянутые специфические характеристики:

1) большая по сравнению с устной речью, но меньшая по сравнению с обычной письменной речью протяженность во времени;

2) возможность одновременного участия в интеракции большого количества коммуникантов, что порой просто невозможно при непосредственном общении в силу когнитивных границ;

3) возможность распределения сообщений в группе на публичные и личные сообщения;

4) доминирование визуального канала при существенной ограниченности иных коммуникативных каналов;

5) возможность варьирования времени и формы доступности сообщения и адресата (информации об адресате/адресанте);

6) меньшее орографическое и стилистическое соответствие сообщений языковой норме, что часто является следствием намеренного искажения;

7) фрагментация целого текста на отдельные составляющие во времени и пространстве;

8) возможность использования специальных маркеров неверbalных действий (как смена речевых ходов, выражение эмоций и т.п.);

9) формирование особых социальных групп, правил поведения и особая социальная стратификация [6].

Несложно заметить, что по сравнению с непосредственной коммуникацией в реальной действительности компьютерно-опосредованное пространство речевого взаимодействия обнаруживает кардинальные отличия, которые человеку необходимо освоить предварительно или по мере включения в это пространство. В качестве главной задачи данной статьи мы заостряем внимание на изменениях в языковой и коммуникативной личности носителей языка при включении в компьютерно-опосредованную коммуникацию, для того чтобы определить и найти объяснение причин изменений в языке, обусловленных развитием новых информационных технологий. Следует обратить внимание, что специального эксперимента для производимых суждений на данный момент организовано еще не было, и приводимые размышления представляют собой интерпретацию результатов ранее произведенных исследований.

Анализируя изменяющийся при включении в компьютерно-опосредованную коммуникацию строй

языковой личности носителя языка, мы отмечаем следующие моменты. На вербально-семантическом уровне общее количество верbalных единиц увеличивается (в связи с включением наименований новых средств и операций обмена сообщениями), но объем непосредственно используемых в каждом отдельном коммуникативном акте верbalных единиц сокращается (в связи с ограниченностью пространственно-временных параметров среды). На лингвокогнитивном уровне с освоением нового вида коммуникации увеличивается количество концептов, но доля вербализованных концептов оказывается неидентичной этому количеству, поскольку реализуется средствами, заменяющими невербальные средства коммуникации в реальной среде. На мотивационном уровне при отсутствии физических координат и маркеров пребывания и активности коммуникантов в компьютерно-опосредованной среде увеличивается потребность в фатической информации, что проявляется, например, в формальной проверке статуса пользователя.

Свойства коммуникативной личности аналогичным образом неизбежно претерпевают изменения. С точки зрения функционального параметра изменяются отношения языковых знаков в плане семантики и синтаксики (лексические единицы приобретают новые значения и могут структурно меняться, как при намеренном искажении), и возникают прототипы неязыковых знаков; создается особый комплекс pragmatischeskiy обусловленных правил поведения, как в сетевых социальных группах. В когнитивном аспекте появляется необходимость знать эти правила, знать изменения в семантике и синтаксике лексических единиц и неязыковых знаков, а также владеть новыми единицами осваиваемой системы. Мотивационный параметр показывает увеличение потребности в информации при ее изобилии, например в сети Интернет, и можно отметить возникновение «псевдопотребности в информации». Под этим словосочетанием мы подразумеваем стремление ознакомиться с чем-то ранее не известным без намерения продуктивного использования этой информации в дальнейшем. Таким образом, увеличивается объем коммуникации без предварительно сформировавшихся четких потребностей к этому процессу.

В этом ключе также интересно рассмотреть психолингвистические исследования В. П. Морозова о распределении элементов сообщения между полушариями головного мозга на лингвистическую («левый мозг») и экстралингвистическую («правый мозг») информацию [9]. Например, в компьютерных ресурсах, основанных на тексте, человек оказывается в ситуации, когда объем лингвистически заданной информации увеличивается, а экстралингвистически заданной информации – снижается. По сравнению с непосредственной коммуникацией в реальной среде

он сталкивается с ограниченностью либо в средствах коммуникации (в основном печатный текст), либо в пространственных координатах для осуществления нетекстовой коммуникации (при использовании видео- и аудиоресурсов компьютерно-опосредованной коммуникации). Таким образом, возникает необходимость больше задействовать лингвистические средства и компенсировать ограниченность экстралингвистических средств, что представляет определенную трудность и требует психологической перестройки личности. Вербальный компонент речевой деятельности в любом случае получает большую значимость, но меньше временных возможностей для реализации; невербальный компонент включает новые единицы (например, «смайлики» или «эмодзи»), но, вместе с тем, теряет множество их эквивалентов, используемых в непосредственной коммуникации в реальной среде.

Данные экспериментов на выявление отличий между компьютерно-опосредованной коммуникацией и непосредственной коммуникацией подтверждают приводимые умозаключения. Коммуникативное взаимодействие в компьютерно-опосредованной среде информационно оказывается не менее плодотворным и эффективным, но требует определенного количества дополнительного времени для адаптации коммуниканта в эту среду. Обнаруживается большая инициативность участия широкого круга коммуникантов (в основном в силу снижения давления социальных характеристик реальности), но наблюдается существенное отклонение от языковой нормы, и сокращается объем передаваемой вторичной информации, например эстетической и эмотивной [10]. Очевидно, это сказывается на общем речевом поведении носителей языка, массово подверженных подобному влиянию, и влечет за собой изменения в языковой системе.

Итак, под массовым влиянием внешнего фактора происходит перестройка языкового и коммуникативного конструкта личности носителя языка, помимо того, что просто создаются нестандартные условия для осуществления коммуникации. Среда играет важную роль, но при анализе существенных изменений в используемой знаковой системе во главу угла необходимо ставить человека, речевое поведение которого демонстрирует особенности этой среды и при большой распространенности в обществе способно менять языковую систему. Таким образом, мы обнаруживаем высокую актуальность изучения языковой и коммуникативной личности и ее поведения в коммуникативной среде нового типа для дальнейшего исследования и определяем перспективу последовательного эмпирического поиска в области структурных изменений в этих конструктах личности носителя языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 3–8.
2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. *Конецкая В. П.* Социология коммуникаций / В. П. Конецкая. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
4. *Гриценко В. И.* Информационная технология : вопросы развития и применения / В. И. Гриценко, Б. Н. Паньшин. – Киев : Наук. думка, 1998. – 272 с.
5. *McQuail Denis.* Mcquail's Mass Communication Theory / Denis McQuail. – 5th ed. – London : SAGE Publications, 2005.
6. *Herring S. C.* Computer-mediated discourse / S. C. Herring // The Handbook of Discourse Analysis / ed.
- D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton. – Oxford : Blackwell Publishers, 2001. – P. 612–634.
7. *Розина И. Н.* Теория и практика компьютерно-опосредованной коммуникации в России : состояние и перспективы / И. Н. Розина // Теория коммуникации и прикладная коммуникация : сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Н. Розиной. – Ростов н/Д. : ИУБиП, 2002. – С. 185–192.
8. *Галичкина Е. Н.* Компьютерная коммуникация : лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : автореф. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Галичкина. – Волгоград, 2012. – 35 с.
9. Современная психология : справ. руководство / под ред. В. Н. Дружинина. – М. : Инфра-М, 1999. – 687 с.
10. *Bordia P.* Face-to-face versus computer-mediated communication : a synthesis of the experimental literature / P. Bordia // The Journal of Business Communication. – 1997. – 34 (1). – P. 99–120.

*Шадринский государственный педагогический институт
Белозерцев А. В., доцент кафедры английского языка
E-mail: albel-shadrinsk@mail.ru
Tel.: 8-922-673-15-54*

*Shadrinsk State Pedagogical Institute
Belozercev A. V., Associate Professor of the English Language Department
E-mail: albel-shadrinsk@mail.ru
Tel.: 8-922-673-15-54*